

Научная статья
УДК/UDC 347.41
DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-71-76

Теоретико-правовые аспекты разграничения кондикционных и деликтных обязательств

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Лариса Сергеевна Шестакова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация, *shela2811@mail.ru*

Аннотация. В статье на основании анализа институтов кондикции и деликта автор рассматривает отдельные критерии разграничения обязательств вследствие неосновательного обогащения от деликтных обязательств, такие как: виновность, противоправность, характер действий нарушителя и их целенаправленность. Исходя из этого, сделан вывод о том, что хотя конкуренция между кондикционным и деликтным требованиями возможна, преимущество следует признать за деликтным иском в силу прямого указания закона. Статья 1102 ГК РФ говорит об отсутствии установленных, в том числе законных, оснований приобретения имущества для применения кондикционного иска, а при причинении вреда, его возмещение происходит на основании главы 59 ГК РФ, как более специальных. С точки зрения полноты возмещения вреда, более выгодным являться предъявление деликтного требования и субсидиарное применение необходимых норм о кондикции в соответствии статьи 1103 ГК РФ.

Ключевые слова: кондикция, деликт, обязательства вследствие неосновательного обогащения, конкуренция исков

Для цитирования: Шестакова Л.С. Теоретико-правовые аспекты разграничения кондикционных и деликтных обязательств // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 53, № 1 (73). С. 71–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-71-76

Original article

Legal aspects of delineation contract and tort obligations

5.1.3 — Private law (civil) sciences

Larisa S. Shestakova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, *shela2811@mail.ru*

Abstract. In the article, based on an analysis of the institutions of conditioning and tort, the author considers certain criteria for distinguishing obligations due to unjust enrichment from tort obligations, such as: guilt, wrongfulness, the nature of the violator's actions and their purposefulness. Based on this, it is concluded that although competition between the condiction and tort requirements is possible, the advantage should be recognized for a tort claim by virtue of direct indication of the law. Article 1102 of the Civil Code of the Russian Federation speaks of the absence of established, including legal, grounds for the acquisition of property for the application of a conditional claim, and if harm is caused, its compensation is carried out on the basis of Chapter 59 of the Civil Code of the Russian Federation, as more special. From the point of view of completeness of compensation for harm, it is more profitable to present a tort claim and subsidiary application of the necessary regulations in accordance with Article 1103 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: condition, tort, obligations due to unjust enrichment, competition of claims

For citation: Shestakova L.S. Legal aspects of delineation contract and tort obligations. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2025, vol. 53, no. 1 (73), pp. 71–76. DOI: 10.21779/2224-0241-2025-53-1-71-76. (In Russ.).

Особую сложность в науке гражданского права представляет разграничение кондикции и деликта. Соотношению именно этих институтов в юридической литературе посвящено наибольшее количество монографий, статей. Дискуссия о необходимости разграничения обязательств из неосновательного обогащения и обязательств из причинения вреда вызвана значительным сходством между указанными институтами [1, с. 101]. Эти обязательства сближает то, что они оба относятся к числу внедоговорных, охранительных и характеризуются компенсационной направленностью [2, с. 98]. На протяжении всего времени существования указан-

ных институтов в литературе делались попытки разработать критерии их разграничения.

Гражданские кодексы 1922 и 1964 годов не определяли соотношение указанных институтов, что порождало наличие в литературе различных концепций о критериях разграничения деликтного и кондикционного обязательств. Правоведы того времени в большинстве своем отрицали такое явление, как конкуренция исков (например, О.С. Иоффе) и поэтому необходимо было совершенно точно определить, в каких случаях предъявить деликтный, а в каких кондикционный иск,

так как предъявление одного исключало возможность предъявления другого.

Концепция, поддержанная большинством авторов, предлагала в качестве разграничительного признака избрать субъективный критерий: наличие либо отсутствие в действиях приобретателя вины. Эту концепцию поддерживали Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе, С.Е. Донцов, Ю.Х. Калмыков [3, с. 10] и другие юристы. «При виновном характере действий обогатившегося возникает деликтное обязательство».

Самым категоричным в этом смысле был профессор О.С. Иоффе, выделяющий признак вины единственным разграничителем, при наличии которого в любом случае подлежит предъявлению деликтный иск: «Граница между названными обязательствами проходит по линии вины: есть вина причинителя – налицо обязательство из причинения вреда, нет его вины – возникает обязательство из неосновательного приобретения имущества. И если может быть предъявлен деликтный иск возможность предъявления кондикционного иска исключена. Кондикционный иск предъявляется только при отсутствии вины как одного из важнейших условий предъявления деликтного иска» [4, с. 867].

Такой же точки зрения придерживалась и Ж.К. Ананьева, считавшая, что «отсутствие вины приобретателя имущества – это тот признак, который позволяет отграничить иск из неосновательного приобретения (сбережения) имущества от иска причинения внедоговорного вреда. Так, например, в результате похищения чужих денег, имущество преступника тоже увеличивается за счет уменьшения имущества пострадавшего. Происходит без всякого правового основания, но гражданский иск, предъявленный к преступнику, должен быть квалифицирован не как иск из неосновательного обогащения, а как иск из причинения внедоговорного вреда, поскольку деньги приобретены посредством виновного противоправного действия» [5, с. 215]. Однако, законодательство того времени содержало норму, регулирующую взыскание неосновательного обогащения, возникающего в результате виновных действий, например, при совершении заведомо противозаконной сделки. В связи с этим, Ю.К. Толстой поддерживает позицию некоторых авторов, таких как В.А. Рясенцев, А.М. Белякова, в соответствии с которой вид обязательства определяла степень вины приобретателя. «Считалось, что деликтный иск, если на стороне причинителя образуется имущественная выгода, подлежит предъявлению лишь при наличии такой формы вины, как умысел. Если же умысла в поведении неосновательно обогатившегося нет, то интересы потерпевшего защищаются кондикционным иском» [6, с.143] – при наличии умысла имело место деликтное требование.

Однако и данная точка зрения о разделении умысла и неосторожности подвергалась критике,

например, Л. Новоселовой: «При наличии вины лица речь может идти только о возникновении обязательств из причинения вреда... Поскольку законодатель определяет, что по общему правилу виновное причинение вреда влечет возникновение соответствующих обязательств, следует признать, что возникновение обязательств из неосновательного приобретения (сбережения) имущества при наличии тех же условий исключается» [7, с. 132]. Несмотря на большое количество приверженцев данной концепции, некоторые авторы (Ю.К. Толстой, А.А. Шамшов) не были согласны с выделением признака вины как разграничителя, ввиду противоречия законодательству, о чем упоминалось выше.

Кроме признака вины в литературе выделялся признак противоправности – наличие правонарушения со стороны приобретателя. Такого мнения придерживался, в частности, В.А. Рясенцев. Тем самым он отграничивал деликт и случаи, не связанные с правонарушением, которые можно было рассматривать как кондикцию. Однако и эта точка зрения оспаривалась, в частности, С.Е. Донцов писал, что «от противоправных действий четко отграничиваются лишь правомерные действия, которые, по общему правилу, не влекут никаких неблагоприятных правовых последствий. Но коль скоро неосновательный приобретатель вынужден в силу закона вернуть имущество, ставшее его собственностью, можно сделать вывод об определенном осуждении со стороны общества действий по неосновательному приобретению имущества, а это значит в конечном итоге, что такие действия противоправны» [8, с. 105].

Также существовала точка зрения о том, что для возникновения обязательств из причинения вреда необходима активность поведения должника, тогда как в обязательствах из неосновательного обогащения поведение должника в момент возникновения обязательств совершенно пассивное. Однако в статье 473 ГК 1964 г. в пункте 4 говорилось о «действиях», то есть об активном поведении должника, следовательно, данный критерий также являлся недостаточным.

По мнению В. А. Носова, основное различие между деликтным и кондикционным обязательством нужно усматривать в характере действий и их направленности. В деликтных обязательствах действия должника направлены на то, чтобы нанести имущественный ущерб потерпевшему, в результате которого сам он может и не получить никакой выгоды. В другом обязательстве поведение должника иное: его действия направлены на то, чтобы увеличить свое имущество за счет другого лица. Этого он добивается за счет умаления или неувеличения имущества кредитора [9, с. 58].

Также в юридической литературе предлагалось различать рассматриваемые требования, как указывает С.Е. Донцов, по объему возмещения, в частности, в случае гибели утраченного имуще-

ства. В результате причинения вреда иск возмещается в полном объеме, а по кондикционному обязательству возвращается только неосновательно приобретенное (сбереженное) имущество.

Иногда при разграничении деликтного и кондикционного исков использовались и дополнительные критерии. Так, отмечалось, что если в деликтном иске правонарушителя в целях возмещения причиненного вреда лишают части имущества, принадлежащего ему на законном основании, то по кондикционному иску ответчик лишается того имущества, которое он приобрел без всяких оснований. Ю.К. Толстой считал, что при возмещении ущерба по деликтному иску имеет место лишение ответчика прав на часть или на все принадлежащее имущество. При изъятии неосновательно полученного (сбереженного) имущества или компенсации его стоимости никакого лишения обогатившегося прав нет, так как он отдает имущество, ему не принадлежащее [10, с. 80].

С точки зрения Ю.К. Толстого, наиболее правильно разграничивать деликтный и кондикционный иски в зависимости от того, образуется ли на стороне правонарушителя имущественная выгода. Если наступление вредоносных последствий в сфере одного лица связано с образованием имущественной выгоды у другого лица, то независимо от наличия либо отсутствия вины приобретателя предъявленный ему иск следует квалифицировать как кондикционный. И поэтому деликтный иск подлежит применению, когда нет условий для предъявления кондикционного.

А.А. Шамшов указывает, что причинами возникновения разных обязательств являются определенные юридические составы и для разграничения их необходимо обратиться к юридическим фактам, их порождающим, при этом данный автор рассматривал только случаи, когда ответчик получает от деликта имущественную выгоду. Таким образом, при сравнении юридических составов выявляется, что если для возникновения деликтных обязательств необходимым условием является сочетание виновного поведения ответчика и наличия лица, признаваемого и защищаемого законом в качестве потерпевшего, то в неосновательном приобретении – при наличии признаваемого законом потерпевшего отсутствует вина на стороне приобретателя, а при наличии вины приобретателя – отсутствует потерпевший. Если в юридическом составе причинения вреда одновременное присутствие этих двух признаков необходимо, то в кондикционных обязательствах они взаимно исключают друг друга [11, с. 87].

Также в литературе предлагалось проводить разграничение кондикции и деликта по целенаправленности этих обязательств [12, с. 58]. Кондикционные обязательства, в отличие от деликтных, имеющих целью восстановление имущественной сферы потерпевшего, преследуют цель изъятия у приобретателя неосновательно полученного имущества.

И, наконец, некоторые авторы, в частности, В.И. Кофман, М.С. Орданский, признавали возможность конкуренции между деликтными и кондикционными требованиями. В тех случаях, когда наступление вредоносных последствий в сфере одного лица и образование имущественной выгоды в сфере другого лица обусловлены виновным поведением неосновательно обогатившегося, потерпевший может по своему выбору предъявить к последнему либо иск о возмещении причиненного вреда, либо иск об изъятии неосновательно полученной выгоды. Таким образом, поиски единого критерия не дали положительного результата и не позволяли четко отграничивать указанные обязательства.

С принятием ГК РФ 1994 года и введением статьи 1103, в соответствии с пунктом 4 которой правила об обязательствах из неосновательного обогащения применяются также к требованиям о возмещении вреда, в том числе причиненного недобросовестным поведением, дискуссии о соотношении указанных институтов продолжаются. Вводя такое правило, законодатель как бы признает определенное сходство этих институтов, что делает их разграничение особенно необходимым. В литературе получает все большую поддержку позиция о возможной конкуренции указанных требований [13, с. 60].

Прежде всего, надо отметить, что говорить о конкуренции деликта и кондикции можно лишь в том случае, если причинение вреда сопровождается обогащением правонарушителя, например, при похищении вещи, так как при отсутствии обогащения приобретателя обязательство из неосновательного обогащения не может существовать. И в связи с тем, что причинитель вреда получает имущественную выгоду и это можно рассматривать как неосновательное обогащение (отсутствие правового основания обладания вещью и факт обогащения), видится острота проблемы анализа критериев разграничения указанных институтов.

Таким образом, попробуем проанализировать существующие на сегодняшний день критерии. Их можно разделить на субъективные и объективные критерии. К субъективным критериям, прежде всего, относится вина, которую некоторые авторы, например, Б.Д. Завидов, О.Д. Гусев, продолжают выделять как один из разделяющих при квалификации деликтного или кондикционного обязательства [14, с. 58]. Данная точка зрения представляется противоречащей закону, так как в пункте 4 статьи 1103 ГК РФ нет указания того, что данное обязательство имеет место лишь при отсутствии вины приобретателя и само понятие неосновательного обогащения не ставится в зависимость от наличия либо отсутствия вины (ст. 1102 ГК РФ). Следовательно, неосновательное обогащение может иметь место и при виновном (умышленном или неосторожном) поведении. Кроме того, наступление деликтной ответственности в соответствии ГК РФ возможно и при отсутствии вины причинителя вреда (ст. 1079 ГК РФ). Также не име-

ет значения для наличия кондикционного обязательства и степень вины приобретателя, что подтверждается пунктом 2 статьи 1104 ГК РФ: «Приобретатель отвечает перед потерпевшим за всякие, в том числе и за всякие случайные, недостачу или ухудшение неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, произошедшие после того, как он узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. До этого момента он отвечает лишь за умысел или грубую неосторожность». Ю.К. Толстой считает, что в данном случае мы имеем типичный деликтный иск. Таким образом, критерий вины не может служить водоразделом.

Далее к субъективному критерию можно отнести признак противоправности. Возможно ли разделить кондикцию и деликт по тому признаку, что причинение вреда всегда противоправно? Очевидно, что признак наличия правонарушения может служить для разграничения указанных обязательств только в ограниченных случаях. Так как противоправность непосредственно связана с виной, в деликтных обязательствах она будет иметь место, соответственно, в кондикционных обязательствах правонарушение будет иметь место не всегда, однако при наличии вины в действиях неосновательно обогатившегося – налицо и противоправность и, следовательно, в таком случае кондикцию и деликт по признаку наличия правонарушения невозможно четко отделить. Таким образом, следует согласиться с А.Л. Маковским в том, что «обязательства из неосновательного обогащения нельзя отграничить от других гражданских правоотношений по признаку наличия или отсутствия в действиях обогатившегося правонарушения, ни тем более в зависимости от виновного или невиновного характера его поведения» [15, с. 597].

В качестве объективного критерия размежевания кондикции и деликта можно выделить признак, который выделяется Ю.К. Толстым, а именно наличие или отсутствие на стороне причинителя вреда увеличения имущественной сферы, как уже отмечалось, если нет имущественной выгоды у правонарушителя, то и нет кондикционного обязательства. Однако, как же разграничить кондикцию и деликт в случае наличия такой выгоды? Следует сказать, что данный критерий не позволяет добиться успеха в разграничении рассматриваемых институтов. Различие указанных требований по объему возмещения состоит в том, что в деликтных обязательствах предусматривается принцип полного возмещения вреда, а в кондикционных обязательствах возмещению подлежит лишь то, что составило такое обогащение. Возможны ситуации, когда, например, похищенная вещь была продана по цене вдвое дешевле ее действительной стоимости. В таком случае по кондикционному иску можно получить лишь ту сумму, которую выручил причинитель вреда, а не ее действительную стоимость, как при деликтном иске. Но возможна и об-

ратная ситуация, когда похищенная вещь продана по большей цене, чем она стоит, тогда потерпевший по деликтному иску получит лишь действительную стоимость, а по иску из неосновательного обогащения всю сумму. Однако это уже последствия применения того или другого иска, а не основания, по которым изначально можно квалифицировать правоотношение [16, с. 74].

Отсутствие универсальных критериев разграничения деликтного и кондикционного требований в случае, когда на стороне причинителя вреда образуется имущественная выгода, а также последний приведенный пример (когда украденная вещь продана или по большей, или по меньшей цене), позволяют сделать вывод о возможной конкуренции обязательств из причинения вреда и обязательств из неосновательного обогащения. Если лицо предъявит кондикционный иск, то ему в суде не нужно будет доказывать вину ответчика, образуется процессуальная выгода. Однако же в кондикционном обязательстве не предусматривается принцип полного возмещения вреда, возврату подлежит лишь то, что составило неосновательное обогащение приобретателя. В деликте же установлено правило возмещения вреда в полном объеме, включая убытки. Исходя из вышеизложенного, у потерпевшего есть альтернатива выбора наиболее удобного для него способа защиты. Следует согласиться с Ю.К. Толстым в том, что выбор у лица существует далеко не всегда, если, например, неосновательное обогащение произошло вследствие обстоятельств, не связанных с поведением обогатившегося лица (банк перечислил ошибочно лицу большую сумму), то потерпевший может воспользоваться только кондикционным иском [10, с. 80]. Также если похищена индивидуально-определенная вещь, имеющаяся в натуре у причинителя вреда, то ее нельзя истребовать по кондикционному иску, предметом которого могут быть лишь вещи, определенные родовыми признаками.

Кроме ситуаций, когда возможен выбор между указанными обязательствами, имеются случаи их совместного применения, как установлено в статье 1103 (п. 4) ГК РФ, это позволит потерпевшему использовать преимущества сразу обоих институтов. В настоящей работе уже говорилось, что кондикционное обязательство является общим институтом, дополняя более специальные, в данном случае, деликтные обязательства. Этой же позиции придерживается и практика. Так, организация своими силами осуществляла строительство гаража для собственных нужд. Муниципальное предприятие без ведома собственника демонтировало бетонные плиты недостроенного гаража и вывезло их. Поскольку возврат плит в натуре был невозможен, организация предъявила предприятию иск, основываясь на статьях 1102 и 1105 ГК РФ. Ответчик в отзыве на иск указал, что в данном случае имеет место причинение внедоговорного вреда, в законе есть специальные правила по

возмещению вреда и, следовательно, статья 1103 ГК РФ не подлежит применению.

Суд при вынесении решения констатировал, что имели место противоправные действия со стороны ответчика, в связи с чем у истца возникли убытки в виде реального ущерба в размере стоимости строительных материалов и затрат, понесенных истцом при их монтаже.

Учитывая установленное статьей 1103 ГК РФ соотношение требований о возврате неосновательного обогащения и требования о возмещении вреда, суд констатировал, что требования истца подчиняются правилам главы 59 ГК РФ, но, вместе с тем, суд пришел к выводу о возможности субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении, поскольку присвоение чужого имущества в данном случае привело к обогащению ответчика. В указанной части иск был удовлетворен на

основании статьи 1102 и 1105 ГК РФ. Требование о взыскании убытков удовлетворено судом на основании статей 1064 и 1082 ГК РФ¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хотя конкуренция между кондикционным и деликтным требованиями возможна, преимущество следует признать за деликтным иском в силу прямого указания закона. Статья 1102 ГК РФ говорит об отсутствии установленных, в том числе законных, оснований приобретения имущества для применения кондикционного иска, а при причинении вреда его возмещение происходит на основании правил главы 59 ГК РФ, как более специальных. И для потерпевшего более выгодным с точки зрения полноты возмещения будут являться предъявление деликтного требования и субсидиарное применение необходимых норм о кондикции в соответствии с пунктом 4 статьи 1103 ГК РФ.

Список источников

1. Шестакова Л.С. Основные условия и этапы возникновения кондикционных обязательств в российском гражданском законодательстве // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 36, № 4. С. 100-105.
2. Климович А. В. О разграничении кондикционных и деликтных обязательств // Материалы ежегодной науч.-практ. конф. преподавателей и студентов ЮИ ИГУ. Ноябрь 2001. Иркутск: ЮИ ИГУ, 2001. С. 98-102.
3. Калмыков Ю.Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. Саратов, 1965.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975.
5. Ананьева Ж. К. О разграничении исков в судебной практике // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1966. № 3.
6. Толстой Ю.К. Проблема соотношения требований о защите гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. №2 (225). С. 138-148.
7. Новоселова Л. Обязательства из неосновательного приобретения (сбережения) имущества в практике арбитражных судов. Хоз-во и право. 1995. №7.
8. Донцов С.Е. Обязательства из неосновательного приобретения имущества и обязательства из причинения вреда // Сов. государство и право. 1974. №12.
9. Носов В. А. Внедоговорные обязательства. Ярославль, 1987.
10. Толстой Ю. К. Обязательства из неосновательного обогащения // Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. 4-е изд. М.: Велби, Проспект, 2004. Гл. 51.
11. Шамшиов А. А. Неосновательное приобретение (сбережение) имущества и нетрудовой доход. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 87 с.
12. Новак Д.В., Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. 2014. № 1. С. 58-95.
13. Ровный В.В. Принцип разделения. Распоряжения в обязательственных сделках // Сибирский юридический вестник. 2018. №1 (80). С. 58-68.
14. Завидов Б. Д., Гусев О. Б. Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения // Юрист. 1999. № 10. С. 58-63.
15. Маковский А. Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60) // ГК РФ. Ч. 2: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996.
16. Ракитский В.В. Об усилении административной ответственности отдельных статей кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Научный дайджест ВСИ МВД России. 2022. № 3 (17). С. 74-80.

References

1. Shestakova L.S. Osnovnye usloviya i etapy vozniknoveniya kondiktсионnykh obyazatel'stv v rossiiskom grazhdanskom zakonodatel'stve [The main conditions and stages of the emergence of compliance obligations in Russian civil legislation], *Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU]*, 2020, vol. 36, no. 4, pp. 100–105. (In Russ.).

¹ См.: пункт 2 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении (утв. информ. письмом Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49).

2. Klimovich A. V. O razgranichenii kondiktsionnykh i deliktnykh obyazatel'stv [On the delimitation of contractual and tort obligations], *Materialy ezhegodnogo nauch.-prakt. konf. prepodavatelei i studentov YuI IGU [Materials of the annual scientific-practical conference of teachers and students of the Law Institute of Irkutsk State University. November 2001]*. Irkutsk: YuI IGU Publ., 2001, pp. 98-102. (In Russ.).
3. Kalmykov Yu.Kh. Vozmeshchenie vreda, prichinnogo imushchestvu [Compensation for damage caused to property]. Saratov, 1965. (In Russ.).
4. Ioffe O.S. Obyazatel'stvennoe pravo [Law of Obligations]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1975. (In Russ.).
5. Anan'eva Zh. K. O razgranichenii iskov v sudebnoi praktike [On the delimitation of claims in judicial practice], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [News of higher educational institutions. Jurisprudence]*, 1966, no. 3. (In Russ.).
6. Tolstoi Yu.K. Problema sootnosheniya trebovaniy o zashchite grazhdanskikh prav [The problem of the ratio of requirements for the protection of civil rights], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 1999 [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 1999, no.2 (225), pp. 138-148. (In Russ.).
7. Novoselova L. Obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo priobreteniya (sberezheniya) imushchestva v praktike arbitrazhnykh sudov [Liabilities from unjust acquisition (savings) of property in the practice of arbitration courts], *Khoz-vo i pravo [Economy and law]*, 1995, no. 7. (In Russ.).
8. Dontsov S.E. Obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo priobreteniya imushchestva i obyazatel'stva iz prichineniya vreda [Liabilities from unjust acquisition of property and liabilities from harm], *Sov. gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*, 1974, no. 12. (In Russ.).
9. Nosov V. A. Vnedogovornye obyazatel'stva [Non-contractual obligations]. Yaroslavl', 1987. (In Russ.).
10. Tolstoi Yu. K. Obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Obligations from unjust enrichment], *Grazhdanskoe pravo: uchebnik [Civil law: textbook]: in 3 volumes*, vol. 3, edited by A.P.Sergeev, Yu.K.Tolstoy. 4th ed. Moscow: Velbi, Prospekt Publ., 2004, ch. 51.. (In Russ.).
11. Shamshov A. A. Neosnovatel'noe priobretenie (sberezhenie) imushchestva i netrudovoi dokhod [Unjust acquisition (saving) of property and unearned income]. Saratov : Publishing House of Saratov University, 1981. 87 p. (In Russ.).
12. Novak D.V., Gerbutov V.S. Klyuchevye problemy obyazatel'stv iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Key problems of obligations from unjust enrichment], *Vestnik VAS RF [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]*, 2014, no. 1, pp. 58-95. (In Russ.).
13. Rovnyi V.V. Printsip razdeleniya. Rasporyazheniya v obyazatel'stvennykh sdelkakh [Separation principle. Orders in binding transactions], *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Legal Bulletin]*, 2018, no. 1 (80), pp. 58-68. (In Russ.).
14. Zavidov B. D., Gusev O. B. Pravovye problemy otvetstvennosti, vytekayushchie iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Legal problems of liability arising from unjust enrichment], *Yurist [Lawyer]*, 1999, no. 10, pp. 58-63. (In Russ.).
15. Makovskii A. L. Obyazatel'stva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashcheniya (glava 60) [Obligations due to unjust enrichment (Chapter 60)], *GK RF. Ch. 2: Tekst, kommentarii, alfavitno-predmetnyi ukazatel' [The Civil Code of the Russian Federation. Part 2: Text, comments, alphabetical-subject index]*, ed. O. M. Kozyr, A. L. Makovsky, S. A. Khokhlova. Moscow: MTsFER Publ., 1996. (In Russ.).
16. Rakitskii V.V. Ob usilenii administrativnoi otvetstvennosti otdel'nykh statei kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [On strengthening the administrative responsibility of certain articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation], *Nauchnyi daidzhest VSI MVD Rossii [Scientific Digest of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2022, no. 3 (17), pp. 74-80. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестакова Лариса Сергеевна, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, подполковник полиции, г. Иркутск, Российская Федерация. E-mail: shela2811@mail.ru

Поступила в редакцию 27.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 12.02.2025 г.; принята к публикации 10.03.2025 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa Sergeevna Shestakova, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel, Irkutsk, Russian Federation. E-mail: shela2811@mail.ru

Received 27.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 10.03.2025